

АРАМ И ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ

Корюн Оганян

Корюн Оганян
Арам и волшебный камень

«Автор»

2026

Оганян К.

Арам и волшебный камень / К. Оганян — «Автор», 2026

Деревня у подножия Арарата разрушена безжалостными кочевниками. Девятнадцатилетний пастух Арам чудом остается жив, но враги обещают вернуться в следующее полнолуние и забрать оставшихся, включая его младшего брата. У Арама есть всего несколько дней на спасение. Его единственный шанс — пробудить древний волшебный камень, собрав в него мощь четырех стихий. Впереди — спуск в кипящее жерло вулкана Немрут, ледяные глубины Севана, встреча с богом времени и смертельные схватки с чудовищами из армянских мифов. Но чтобы стать настоящим щитом для своего народа, юноше придется победить самого страшного врага — собственный гнев. Ему предстоит узнать, что истинная сила рождается не из ненависти и жажды мести, а из любви и жертвенности. Эпическое фэнтези, сотканное из дыхания гор, древних легенд и непоколебимой веры.

© Оганян К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Зов древнего камня	6
Глава 2: Путешествие к Нане	11
Глава 3: Испытание огня	15
Глава 4: Слеза богини	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Корюн Оганян

Арам и волшебный камень

Приветствую тебя, путник, на страницах этой истории. Прежде чем ты сделаешь первый шаг, позволь мне стать твоим проводником и рассказать, что ждёт тебя впереди.

Этот мир не терпит суеты: он соткан из **густых описаний живой природы**, тонких движений человеческой души и древних теней, пришедших прямо из **армянской мифологии**. Здесь каждый лист на дереве и каждый вздох героя имеют значение.

Я советую тебе читать **каждую главу отдельно**, как если бы это была самостоятельная легенда или законченное странствие. Дай образам застыть, а чувствам – осесть в твоём сердце, прежде чем открывать следующую дверь.

Этот крохотный осколок моего мира я посвящаю моей маме. Она покинула меня, но в каждом слове, в каждом солнечном луче этого рассказа я всё ещё продолжаю её ждать.

АРАМ И ВОЛШЕБНЫЙ КАМЕНЬ

Глава 1: Зов древнего камня

Деревня притаилась в складках предгорья, словно испуганный ребенок, прячущийся за подол матери. Над ней, разрезая небосвод вечной белизной, возвышался Арарат¹ – безмолвный страж, накрывающий тенью дома с черепичными крышами. В воздухе висел густой, сладкий дурман цветущих абрикосов². Казалось, мир соткан из этого аромата и жужжания пчел.

Арам, которому минувшей осенью исполнилось девятнадцать, сидел на валуне, наблюдая за отарой. В руках он держал нож и кусок дерева, из которого вырезал фигурку. Крепкий юноша с широкими плечами, привыкшими к тяжести, в глазах которого все еще жила мечтательность. Идиллию разорвал низкий, ритмичный гул. Земля дрогнула. Овцы сбились в кучу, а гул стремительно превращался в грохот сотен копыт. Кочевники.

– Ваан! – крикнул Арам, вспомнив о младшем брате, который остался в деревне помогать деду. Он бросил отару и побежал. Он бежал так, как никогда в жизни, чувствуя, как страх ледяными иглами колет сердце.

Когда он ворвался в деревню, пыль уже стояла столбом, закрывая солнце. Всадники были повсюду. Они не были похожи на людей – скорее на демонов, выкованных из железа и дубленой кожи. Их лица были скрыты масками или замотаны тряпками, видны были только глаза – хищные, привыкшие оценивать жизнь мерой золота и крови. В центре площади, у старого платана³, они сгоняли жителей в круг.

Арам увидел их. Дедушка стоял на коленях, прижимая к себе двенадцатилетнего Ваана. Мальчик трясся, уткнувшись лицом в грудь старика. Арам рванулся к ним, расталкивая толпу, но путь ему преградил вороной конь. Всадник на нем отличался от остальных. На нем не было маски. Его лицо было картой войн: грубая, дубленая ветрами кожа, пересеченная белым шрамом от виска до подбородка. В его волосах запуталась седина, но не от старости, а от пепла сожженных городов. Это был Вожак.

Он смотрел на деревню не как грабитель, а как хозяин, оценивающий новые уголья. Он снял перчатку и провел ладонью по шершавой коре платана.

– Земля... – прохрипел он глухим, усталым голосом. – Эта земля старше, чем сами боги. Она видела Потоп. Она пахнет кровью и медом. Достойный трофей.

Он перевел взгляд на людей. Его глаза, холодные и пустые, скользнули по толпе и остановились на Ваане.

– В наших степях волки съедают слабых, – произнес он, указывая плетью на мальчика. – Но из этого щенка выйдет волкодав. В его глазах есть страх, который можно превратить в ярость. Забрать его.

Двое кочевников спрыгнули с седел.

¹ **Арарат** – священная гора армянской истории и культуры. Уже в эпоху Урарту её склоны входили в систему культовых и оборонительных центров, а массив считался символом силы и божественного присутствия. В дохристианской Армении Арарат ассоциировался с верховными богами и сакральным пространством, а в мифах и эпосах армян олицетворял вечность, мощь и плодородие. После принятия христианства гора сохранила статус национального символа армян, оставаясь ключевым образом в фольклоре, литературе, искусстве и исторической памяти армянского народа.

² **Абрикос** (*Prunus armeniaca*) – плод косточкового дерева; название восходит к лат. *praecoquum* («ранний, скороспелый»), ботаническое определение *armeniaca* («армянский») закрепилось в античности из-за распространения культуры на территории Армении; в армянской традиции абрикос имеет символическое значение, его цвет соотносится с национальной символикой, а древесина используется для изготовления дудука.

³ **Платан** (*Platanus*) – крупное листопадное дерево, известное в армянской традиции и культуре с древних времён. В Армении платан рос у культовых и общественных мест, считался символом долголетия, силы и устойчивости. В народных поверьях его древесина и тень использовались для защиты от злых духов, а дерево часто встречается в топонимах и фольклоре, отражая сакральное и бытовое значение в армянской культуре.

– Нет! – Дедушка, который с трудом ходил, вдруг распрямился. В его выцветших глазах вспыхнул огонь, который Арам помнил по рассказам о битвах прошлого. Старик закрыл собой внука, выставив вперед сухую руку. – Ты не тронешь ребенка, шакал! Только через мой труп! Вожак лениво усмехнулся.

– Через труп? – переспросил он. – Это можно устроить. Он кивнул своим людям. Удар приклада тяжелой плети обрушился на голову старика. Дед рухнул в пыль, но не разжал рук, которыми держал Ваана.

– Дедушка! – закричал Арам. Ярость, горячая и бездумная, затопила его разум. Он не помнил себя. Он бросился на врага с одним лишь пастушьим ножом в руке. Глупо. Отчаянно. Безнадежно.

Он не успел сделать и двух шагов. Вожак даже не повернулся. Он просто махнул рукой, и Арама сбили с ног ударом древка копья. Воздух вышибло из легких. Он упал рядом с дедом. Попытался встать, но тяжелый сапог Вожака вдавил его голову в грязь. Арам хрипел, глотая пыль, смешанную с кровью. Он чувствовал себя червяком. Раздавленным, жалким ничтожеством. Вожак наклонился к нему. От него пахло старым железом и потом.

– Смелый, – сказал он без эмоций. – Но глупый. Ты думаешь, твоя ярость что-то значит? Это лишь короткая, болезненная вспышка. Бесплезная аномалия. Сила – это не крик, мальчик. Сила – это умение гасить такие искры. Считай, что я – твое лекарство от надежды.

Он убрал ногу, но Арам не мог подняться. Тело болело, но душа болела сильнее. Вожак обвел взглядом площадь. – Сегодня я добр. Я дам вам время попрощаться. Он поднял взгляд на небо, где бледным призраком висела луна. – В следующее Полнолуние я вернусь. Подготовьте дань. Десять крепких юношей. И этого, – он указал на Ваана, – первым. Если спрячете их – я вырежу всех, от стариков до младенцев. Эта древняя земля станет вашей общей могилой.

Всадники развернулись и ушли так же внезапно, как и появились, оставив после себя лишь облако пыли и запах беды.

Вечером в старом доме царила тишина, тяжелая, как могильная плита. Дедушка сидел у очага, прикладывая мокрую тряпку к лицу. Ваан спал в углу, всхлипывая во сне. Арам сидел на полу, сжимая кулаки так, что побелели костяшки. Внутри него бушевал ураган. Стыд жег его внутренности.

– Я ничтожество, – прошептал он, глядя в пол. – Я не смог защитить тебя. Я не смог защитить Ваана. Они ударили тебя, а я валялся в пыли, как побитая собака.

Дедушка медленно повернул голову. Его взгляд оставался ясным и спокойным, как горное озеро. – Подними голову, Арам, – тихо, но твердо сказал старик. Арам не шелохнулся. – Подними голову! – голос деда громыхнул, заставив юношу вздрогнуть. Арам поднял глаза, полные слез бессилия. – Ты думаешь, мужчина – это тот, кто никогда не падает? – спросил старик, вытирая кровь со щеки. – Нет, сынок. Упасть может и скала, если удар силен. Армянский мужчина – это тот, кто встает, даже когда у него сломаны кости.

Старик помолчал, глядя на огонь. Тени плясали на его лице, делая его похожим на древний лик святого.

– Я узнал его, Арам, – вдруг сказал он.

– Кого? – не понял юноша.

– Вожака. – Голос деда стал холодным и острым, как кинжал. – Прошло двенадцать лет, он постарел, шрам пересек его лицо... Но я помню эти глаза. Старик сжал руку Арама своей шершавой ладонью. – Это он убил твоего отца.

Арам замер. Время остановилось.

– Отец не погиб под лавиной, как мы говорили тебе, – продолжил дед. – Он погиб, защищая этот дом от того самого человека. Он стоял там же, где сегодня стоял ты. И он так же не отступил. Слова падали в тишину, как камни. Ненависть, черная и густая, поднялась в груди Арама. Она заполнила его целиком, вытесняя страх. Значит, это не просто враг. Это личное.

– Я убью его, – прошипел Арам. – Клянусь, я убью его.

– Чем? – грустно спросил дед. – Пастушьим ножом? Своей злостью? Злость – это плохой советчик, Арам. Она сжигает сосуд, в котором хранится. Тебе нужна не злость. Тебе нужна Сила. Старик закашлялся, держась за грудь. – Полнолуние скоро. У нас мало времени. Иди, сынок. Оставь меня. Мне нужно помолиться. А тебе нужно остудить голову.

Арам вышел из дома. Ноги сами понесли его прочь от деревни, туда, где он чувствовал себя свободным – на пастбище, к каменным осыпям у подножия гор. Луна уже взошла. Она заливала долину призрачным, мертвенным светом. Арам упал на траву и закричал. Он кричал в небо, выплескивая всю боль, все унижение, весь страх за брата.

– Где справедливость?! – орал он звездам. – Почему у них есть сила, а у нас только могилы?! Дайте мне силу! Я готов на все! Слышите?! На все!

Он ударил кулаком по земле, сдирая кожу. И вдруг... Тишина. Крик его замер. Ночной ветер стих. Даже сверчки умолкли. В этой ватной, неестественной тишине раздался звук. Не снаружи, а внутри его головы. Это был Зов. Тонкий, вибрирующий гул, похожий на пение струны. Он манил. Он обещал. Он звал туда, к нагромождению старых скал. «*Ты ищешь силу, Ареворди?*»⁴ – казалось, шелестел сам воздух. Или это был просто ветер? А может, чей-то древний, хитрый шепот?

Арам поднялся. Его тело била дрожь, но он шел на этот звук, как лунатик. Среди серой, пыльной породы, в расщелине, куда никогда не заглядывало солнце, что-то сияло. Нестерпимо ярко, пульсирующим теплым светом. Камень. Он лежал там, словно ждал именно этой минуты. Ждал его отчаяния. Ждал его крика. Арам протянул руку. Едва его пальцы коснулись гладкой поверхности, по телу прошел разряд. Это было не просто тепло. Это было обещание могущества. Впервые за этот страшный день Арам перестал чувствовать себя жертвой. Он еще не знал, что это – дар богов или ловушка ведьмы. Но он знал одно: с этим камнем в руке он больше никогда не встанет на колени.

Арам спрятал находку за пазуху, прямо у сердца, где её тепло смешалось с его собственным тревожным стуком. Он пошел обратно к деревне. Прохладный ночной воздух немного остудил его горящую голову, но не унял тревогу.

В старом доме повисло тягостное молчание. Не было запаха уюта, но и запаха беды – тоже. Пахло лишь остывающей золой. Ваан спал на тахте. Он не плакал. Он лежал на спине, раскинув руки, и его лицо во сне было серьезным, почти взрослым. Даже сейчас, отдыхая, он хмурил брови, словно во сне продолжал ту безмолвную битву, которую не смог выиграть днем. Он был крепким мальчиком, сыном гор, и сломить его было не так-то просто.

Дедушка сидел у стола, глядя на внука. На его лице не было страшных синяков, только глубокая, черная тень легла под глазами. Он выглядел не избитым, а бесконечно уставшим, словно за этот день он постарел еще на десять лет. Он смотрел на спящего Ваана с такой тоской, будто уже видел, как того уводят в чужие степи.

Арам тихо прикрыл дверь и подошел к столу. Молча положил Камень. В сумраке комнаты находка мягко засветилась, разгоняя тени по углам. Дедушка медленно перевел взгляд с мальчика на стол. Его брови поползли вверх. Он подался вперед, вглядываясь.

– Великие небеса... – выдохнул старик. В его голосе не было страха, только благоговение. – Я думал, это лишь легенды, которыми старики утешают себя у костра.

Он протянул руку, но не коснулся Камня, словно боялся обжечься о его чистоту.

⁴ **Ареворди** (арм. *արևորդի*, букв. «сын солнца», «дитя солнца») – слово, образованное от *արևի* («солнце») и *որդի* («сын, потомок»). В дохристианской Армении солнце занимало значимое место в культовой системе; оно связывалось с божеством Михр. Образ «сына солнца» отражал представление о человеке как носителе света, силы и жизненной энергии.

– Это Волшебный камень, Арам. – Старик поднял на внука глаза, в которых вдруг затеплилась жизнь. – В нем спит сила четырех стихий. Легенды гласят: тот, кто сумеет разбудить его, станет нерушимым Щитом для своего дома.

Слова повисли в воздухе, но они не давили. Они звучали как тихая молитва. Арам не принял их. Не отрывая взгляда от Камня, он медленно отступил от стола на шаг, словно тот обжигал даже на расстоянии.

– Щитом?.. – эхом отозвался он. Сначала он произнес это тихо, пытаясь примерить неподъемное слово на себя. Взгляд его скользнул по собственным рукам – по сбитым костяшкам, по дрожащим, перепачканным пылью пальцам. И только тогда непонимание прорвалось жестким отчаянием. Он решительно покачал головой. – Дедушка, очнись. Ты видишь то, чего нет.

Он ткнул пальцем в сторону двери, за которой осталась пыльная площадь.

– Там, на улице, реальность. Там кровь и железо. А здесь... – он кивнул на камень. – Здесь просто красивая сказка. Я сегодня пытался быть щитом. И меня сломали, как сухую ветку, одним ударом.

Арам сжал кулаки, пряча слабость.

– Я обычный пастух, дед. Я умею стричь овец, а не убивать чудовищ. Зачем ты даешь это мне? Отнеси его старейшинам! Отдай тому, кто умеет держать меч. Или... отнеси его Нане!⁵ – он ухватился за это имя, как за последнюю надежду. – Все в округе знают её доброту и мудрость, она помнит древние легенды и знает лес. Пусть она решает, что с ним делать!

Он поднял на старика взгляд, полный мольбы. – Но в моих руках это станет ошибкой. Я не воин. Если я снова упаду... Ваан заплатит за мою слабость жизнью. Я не имею права так рисковать.

Дедушка молчал. Он смотрел на внука, и в его глазах Арам увидел не разочарование, а бездонную, разрывающую сердце боль. Старик попытался выпрямиться, чтобы возразить, но тело предало его. Он глухо застонал и схватился за край стола, чтобы не упасть. Его пальцы побелели от напряжения.

Арам дернулся, чтобы помочь, но дед остановил его жестом.

– Ты думаешь, я не хотел бы взять этот Камень сам? – прохрипел он. – Ты думаешь, я не проклинаю свои старые ноги за то, что они не держат меня? Он ударил кулаком по своей немощной ноге.

– Если бы я мог, я бы сам пополз на коленях к подножию Аждаака⁶, туда, в её дикий лес. Я бы вырвал сердце из груди, лишь бы тебе не пришлось идти туда. Лишь бы ты остался здесь, в безопасности, и пас своих овец.

Голос деда дрогнул. Маска сурового патриарха треснула. Перед Арамом сидел не воин, а старый человек, который в ужасе от того, что вынужден послать любимого внука на смерть. – Но старейшины мертвы или сломлены, Арам. Воинов в деревне больше нет – их вырезали двенадцать лет назад. Остались только мы: калеки и дети.

Старик поднял на него влажный взгляд.

– Ты прав в одном: Нане знает, что делать с Камнем. Но она лишь хранительница памяти. Камень не ответит ей, ему нужна горячая кровь. Я не прошу тебя стать героем ради славы. Я

⁵ **Нане** – богиня материнства, плодородия и защиты в дохристианской армянской мифологии; покровительница детей и семьи, связанная с домашним очагом. В армянской традиции имя **Нане** также стало нарицательным для обозначения бабушек, отражая уважение, заботу и семейную мудрость; таким образом, оно одновременно сохраняет религиозный и бытовой культурный контекст.

⁶ **Аждаак** (арм. *Աճաիակ*) – потухший вулкан, высшая точка Гегамского хребта, высотой 3597,3 м над уровнем моря; четвёртая по высоте гора современной Армении после Арагаца, Капутджуха и Сискатара. В армянской мифологии Аждаак/*Աճաիակ* также выступает как огнедышащий дракон, символизирующий разрушительные силы и хаос, противник героев и богов, отражая древние представления армян о борьбе стихий и сил добра и зла.

прошу тебя дойти до Нане и стать нашим шансом. Потому что больше никому. Я стар. Ваан мал. А ты... ты единственная живая ветвь на этом сожженном дереве.

Арам смотрел на деда и чувствовал, как внутри что-то оборвалось. Он видел, чего стоили старику эти слова. Дед ненавидел свою беспомощность. Он умирал от чувства вины, перекладывая этот груз на плечи мальчишки. «Если я откажусь, я убью его прямо сейчас, – понял Арам. – Не кочевники убьют его, а я. Своим страхом. Он не переживет мысли, что мы сдались».

Выбора не было. Точнее, выбор был, но он был страшнее битвы. Арам медленно выдохнул. Он подошел к столу и накрыл дрожащую руку деда своей ладонью.

– Не надо, – тихо сказал он, глотая ком в горле. – Не вини себя. Он взял камень. Тот снова лег в руку теплой тяжестью, но теперь эта тяжесть казалась не бременем, а долгом. – Я пойду к Нане, дед. Не потому, что я верю в себя. А потому, что я верю тебе.

Дедушка притянул его к себе и крепко обнял. Арам почувствовал, как вздрагивают худые плечи старика.

– Прости меня, сынок, – прошептал дед ему в макушку. – Прости, что у тебя не было детства. И прости за то, что я не могу пойти вместо тебя.

Ночь опустилась на горы тяжелым покрывалом. В доме погасили свет. Дед, измученный болью и тревогами, забылся тяжелым сном на лавке, сжимая во сне рукоять старого топора. Арам лежал в своей постели. Той самой, где он спал ребенком, слушая сказки. Сегодня он ложился в неё в последний раз. Он знал это. Завтра на рассвете он уйдет в дикий лес к горе Аждаак, и даже если вернется – он уже не будет тем мальчиком, который спал здесь.

Сквозь маленькое, мутное оконце на него смотрело небо. Оно было усыпано звездами, холодными и равнодушными, как глаза кочевников. Арам всматривался в эту бездну, пытаясь найти там знакомые черты. «Папа... – мысленно позвал он. – Мама... Вы видите меня? Мне страшно. Я не знаю, куда идти. Я не знаю, как быть сильным». Он ждал знака. Ждал, что ветер принесет ответ, или луна улыбнется. Но небо молчало. Лишь где-то далеко ухнула сова, да скрипнула ставня. Пустота. Беззвучная, пугающая тишина космоса, которому нет дела до людских бед.

«Я один, – подумал Арам, чувствуя, как одиночество сжимает горло ледяной рукой. – Никто не придет. Никто не поможет». Глаза слипались. Усталость, накопившаяся за этот бесконечный, пропитанный кровью день, брала свое. Он закрыл веки, проваливаясь в темный, вязкий сон, уносящий его прочь от боли.

И только тогда, когда его дыхание стало ровным, в черном квадрате окна, прямо над вершиной Арарата, вспыхнула крошечная, но нестерпимо яркая звездочка. Она не мигала, как другие. Она горела ровным, теплым светом, словно кто-то зажег лампаду на подоконнике Вселенной. Она смотрела прямо на спящего Арама. Небо не молчало. Оно просто ждало, пока он уснет, чтобы начать свой незримый дозор. Мама была рядом.

Глава 2: Путешествие к Нане

Арам проснулся задолго до рассвета, в тот самый час, когда ночь особенно темна, а мир кажется затаившим дыхание. В доме было холодно. Он тихо, стараясь не скрипеть половицами, поднялся с постели и подошел к тахте, где спал Ваан. Брат дышал ровно, раскинув руки, доверчиво открыв шею, словно никакой беды не существовало. Арам поправил сбившееся одеяло, укрывая его плечи. В этом простом движении было больше клятв, чем в любых словах: «Пока я жив, тебе будет тепло».

У двери, опираясь на косяк, стоял дедушка. Он не спал. Казалось, он стоял так всю ночь, охраняя сон внуков. Арам подошел к нему. Старик выглядел осунувшимся, тени от ран на лице стали глубже, но спина была прямой. Они не сказали друг другу ни слова. В армянских семьях любовь не требует громких фраз – она живет в делах, в молчаливом понимании, что боль одного – это боль всех. Дедушка протянул ему небольшой сверток с хлебом и сыром, а затем шагнул вперед и крепко, по-мужски обнял Арама. Это не было прощание старшего с младшим. Это было объятие двух мужчин, которые делят одну судьбу на двоих. Арам почувствовал, как дрогнули руки старика, как тот на миг прижался щекой к его виску, вдыхая запах внука, возможно, в последний раз.

– *Цавт танем, балес...*⁷ – едва слышно шепнул дед древнюю молитву-оберег, которой матери и отцы веками провожали детей в путь.

– Возвращайся. Мы будем ждать. Не как сироты, а как семья. Помни: пока мы здесь, у тебя есть тыл.

Арам отстранился, чувствуя, как к горлу подкатил ком, но сдержался. Он кивнул, коротко сжал руку деда и шагнул за порог, в ледяную мглу предрассветного часа. Он не обернулся. Не потому, что не хотел, а потому что знал: дед будет смотреть ему вслед, пока его силуэт не растворится в тумане.

Путь к предгорьям Аждаака, где жила знахарка, занял остаток ночи и утро. Это был не просто подъем. Это был не просто подъем в гору – это было бегство из мира детства в мир, где нужно выживать. Знакомые солнечные абрикосовые сады остались далеко позади, сменившись угрюмым величием дикого леса. Здесь, в царстве вековых дубов и стройных, как стрелы, кипарисов, время текло иначе. Кроны деревьев сплетались над головой в плотный зеленый свод, почти не пропуская света.

Арам шел, сбивая ноги, но не позволял себе остановиться. Раньше, мальчишкой, он бы вздрагивал здесь от каждого шороха, боясь лесных духов, о которых шептались старики. Но теперь детские страхи казались смешными. Он видел настоящих демонов – они носили маски и ездили на конях. Лес давил тишиной, но Арам упрямо переставлял ноги, сжимая в кармане теплый камень. Теперь это была единственная нить, удерживающая его от отчаяния. Каждый раз, касаясь его, он вспоминал безмятежное дыхание спящего брата и объятие деда, и заставлял себя сделать еще один шаг.

Хижина Нане возникла перед ним внезапно, будто выросла из самой земли. Она не была построена в привычном смысле слова – скорее, лес сам сплел её из живых ветвей, вьюнов и корней. Над низкой дверью оберегом висел венок из трав, уже высохших, но все еще источающих терпкий, горьковатый аромат. Арам перевел дыхание. Пути назад не было. С замиранием сердца он толкнул тяжелую дверь.

Внутри царил полумрак, густо настоянный на запахе шалфея, чабреца и тлеющих благовоний. Нане сидела на пушистом ковре прямо на земляном полу. Её седые волосы водопадом струились по плечам, а глаза были закрыты, словно она слушала подземные воды.

⁷ Возьму твою боль, дитя мое...

Не говоря ни слова, Арам достал камень. В сумраке хижины тот вспыхнул, озарив лицо старухи. Нане открыла глаза. Строгая маска знахарки дрогнула. Уголки её губ тронула едва заметная, но теплая улыбка – та самая, которую Арам помнил с раннего детства.

Он вдруг ясно вспомнил, как пятилетним мальчишкой, заблудившись в лесу, плакал под огромным дубом, пока она не нашла его... С тех пор он часто прибегал сюда – то с разбитым коленом, то просто чтобы послушать её песни. Она всегда знала, когда он придет. словно все эти годы, исцеляя его детские раны, она незримо берегла его для этой, главной встречи.

– Значит, время пришло, сынок. – Голос Нане изменился: в нём больше не было холодной отстранённости, он звучал как забытая колыбельная – мягко, но со скрытой сталью внутри.

– Вчера вечером я почувствовала, как в недрах гор проснулась древняя сила. Камень позвал Хозяина, и я вышла ждать. Я знала, что ты придешь.

Нане сделала шаг вперед. Её взгляд скользнул по его лицу, задержавшись на свежей ссадине, оставленной ударом кочевника. Тени в углах её глаз сгустились.

– Я помню твои глаза, Арам. В них всегда плескалось солнце и детская наивность. Но того мальчика больше нет. – Она подняла руку, но не коснулась раны, а словно считала боль, исходящую от неё. Потом заглянула ему в зрачки, глубоко, до самого дна души.

– Я вижу в тебе скрытую обиду, что греет тебя жарче любого костра. Это опасный огонь, сынок. Это ярость, которая лижет лезвие ножа и упивается собственной кровью. Ты ищешь не просто спасения. В глубине души ты ищешь Возмездия.

Она убрала руку, но её взгляд остался теплым, лишенным осуждения.

– Я не виню тебя. Кто я такая, чтобы судить раненого зверя за его оскал? Гнев – сильное топливо для начала пути, оно не даст тебе замерзнуть. Но я знаю тебя, Арам. Твое сердце слишком велико, чтобы остаться черным ульем. Я верю: когда придет час, эта темная искра переродится. Ты пройдешь сквозь этот огонь, и твоя ненависть станет Надеждой. Для всех нас.

Арам опустил глаза. Скрывать что-то от неё было бессмысленно – она читала его, как открытую книгу. Он действительно чувствовал этот яд внутри, эту жажду увидеть страх в глазах врага. Ему стало стыдно за эту тьму, но слова Нане о надежде дали ему опору. Он медленно выдохнул, загоня демонов обратно в глубину души, и поднял на старуху взгляд, полный решимости.

– Я не знаю, смогу ли я стать надеждой, Нане, – тихо, но твердо произнес он. – Сейчас во мне только страх не успеть. Он сжал кулаки так, что побелели костяшки. – Они вернуться в Полнолуние. Вожак пообещал забрать Ваана. Если я не вернусь к тому времени с силой, моя ненависть уже никого не спасет.

– Я знаю, – она перевела взгляд на Волшебный Камень. – И этот Камень – единственный способ их остановить. Он вмещает ярость огня, глубину воды, твердость земли и песню ветра. Он ждал тебя. – Но я не знаю, как его разбудить, – признался Арам.

– Камень спит, пока у него нет Голоса. Чтобы он заговорил, тебе придется пройти путем, с которого многие не вернулись. Ты встретишься с теми, чьи имена люди боятся произносить вслух. Древние стражи, призраки прошлого... Они будут проверять не твою силу, а твою волю.

Нане поднялась и подошла к старому, окованному железом сундуку. Крышка откинулась с тяжелым скрипом.

– Я не отправлю тебя с пустыми руками. Твоего пастушьего ножа мало против Древних. Тебе понадобятся Ключи.

Она достала первый предмет – факел из темного, плотного дерева.

– Возьми. Это факел из платана, выросшего на склонах вулкана Немрут⁸. Твой путь начнется там. Он посвящен Ваагну, драконоборцу⁹. Это дерево уже знает вкус огня. С его помощью ты войдешь в жерло вулкана и заберешь частицу пламени из его сердца.

⁸ Немрут – название горы вулканического происхождения в исторической области Васпуракан (район озера Ван); в армян-

Следом в руки Арама лег старинный кувшин, тускло отблескивающий красноватым светом. – Затем иди к воде. Это медь, рожденная в недрах самого Арарата. В этот сосуд ты должен собрать чистейшую воду из озера Севан¹⁰. Но помни: воды охраняет Джраарс¹¹, древняя русалка. В её владениях, если твое сердце чисто, ты можешь найти жемчужину – окаменевшую слезу богини Астхик¹².

Затем Нане протянула ему заплечный мешок – с виду небольшой, сшитый из странной, переливающейся ткани, похожей на туман.

– А после тебя ждут горы. Не смотри, что мешок мал. Это шелк тутового шелкопряда¹³ с подножия Арарата, сплетенный с древними заклинаниями. Внутри он глубже, чем кажется. Он вместит все Ключи, и только он сможет выдержать тяжесть камня Земли, который ждет тебя в пещере на Арагаце¹⁴.

И, наконец, она бережно вложила в его ладонь дудук¹⁵. Инструмент был теплым на ощупь, почти живым. – И в конце пути, когда ты взойдешь к вершинам Арамазда¹⁶, только он поможет тебе. Это абрикосовое дерево из садов богини Анаит¹⁷. В этом дудуке живет душа Армении. Только с его помощью ты сможешь поймать ветер, который нельзя удержать руками.

Арам стоял, глядя на разложенные перед ним Ключи. Их физическая тяжесть была невелика, но груз ответственности едва не пригибал его к земле. В голове больше не было панического «Почему я?». Он знал почему. Потому что больше некому. Но страх шептал другое: «Ты не успеешь. Ты сломаешься. Ты не воин, ты всего лишь мальчишка, который вчера валялся в

своей традиции имя связывается с библейским персонажем Нимрод (арм. Немрут), образ которого переосмыслен в фольклоре как символ гордыни и тирании; топоним закрепился в региональной культуре и исторической памяти.

⁹ **Ваагн** – бог войны и огня в дохристианском армянском пантеоне; считался покровителем храбрости, справедливой борьбы и победы; в армянской мифологии Ваагн олицетворяет силу, мужество и защиту народа, а его образы встречаются в эпических преданиях и религиозных ритуалах древней Армении.

¹⁰ **Севан** – крупнейшее озеро Армении (в исторической области Васпуракан), священное в дохристианской традиции; в древности называлось **Капутак**, также известно как **Гегамское море**; связывалось с культом воды, плодородия и богини Астхик; озеро и его окрестности служили местами ритуалов и жертвоприношений, отражая древние природные верования армян.

¹¹ **Джраарс** – в армянской дохристианской мифологии дух воды и дождя; покровитель рек, источников и плодородия, часто ассоциировался с дождевыми и ирригационными ритуалами; образ Джраарса отражает древние природные верования армян и сохранился в фольклоре как символ жизненной силы и урожая.

¹² **Астхик** – богиня воды, любви и красоты в дохристианской армянской мифологии; покровительница рек, родников и источников, связана с плодородием и жизненной силой; её культ отражает древние представления армян о природе и гармонии, а образы Астхик встречаются в мифах, легендах и народной поэзии.

¹³ **Тутовый шелкопряд** (*Bombyx mori*) – насекомое, разводимое человеком ради шелка. Родиной считается Китай, где его начали культивировать более 5 000 лет назад. Кормовым растением является тутовое дерево (*Morus*), листья которого служат единственной пищей личинок. Разведение шелкопряда в Армении известно с древности, особенно в период средневековых ремесленных центров; оно было частью текстильной промышленности и способствовало развитию шелководства и ткацкого производства.

¹⁴ **Арагац** – потухший вулкан и самая высокая гора современной Армении (4090 м). В армянской истории и мифологии гора имела сакральное значение: уже в эпоху Урарту её склоны использовались как культовые и оборонительные центры. В дохристианской Армении Арагац ассоциировался с божественными силами, плодородием и вечностью. В литературе, фольклоре и народных поверьях гора выступает символом силы, национальной идентичности и духовной устойчивости армянского народа.

¹⁵ **Дудук (Циранапох)** – традиционный армянский духовой музыкальный инструмент из абрикосового дерева; используется для исполнения мелодий с мягким, тёплым и меланхоличным звучанием. Дудук под названием «циранапох» («абрикосовая труба») упоминал ещё армянский историк V века Мовсес Хоренаци; дудук имеет древние корни, упоминается в фольклоре и религиозной музыке, символизируя духовность, память и национальную идентичность армян.

¹⁶ **Арамазд** – название горы в исторической области Айрагат (Великая Армения) и одновременно имя верховного божества дохристианского армянского пантеона; как бог почитался создателем мира, отцом богов и людей, покровителем плодородия и благополучия.

¹⁷ **Анаит** – богиня плодородия, материнства, мудрости и покровительница жизни в дохристианской Армении; её культ занимал одно из центральных мест в армянском пантеоне; в армянской традиции Анаит почиталась как великая мать и заступница народа, её храмы находились в крупных культовых центрах древней Армении.

пыли». Он протянул руку и взял факел. Пальцы предательски дрожали. Темное облако сомнений сдавливало грудь. Ему казалось, он стоит на краю обрыва.

– Дедушка... Брат... – прошептал он одними губами. Их лица всплыли в памяти. Если он сейчас сдастся своему страху, то он предаст их еще до начала битвы. Арам глубоко вздохнул, загоня дрожь внутрь. Он поднял глаза на Нане. В них больше не было мольбы, только мрачная решимость человека, которому нечего терять.

– Я сделаю это, Нане. Или я вернусь с силой, или не вернусь вовсе.

Знахарка положила сухую ладонь ему на плечо, но вдруг пальцы её замерли, точно коснулись раскаленного угля. Взгляд Нане стал отсутствующим, застывшим. Она смотрела сквозь стены хижины, сквозь время, туда, где линии судеб сплетались в тугой узел. Её дыхание перехватило, зрачки расширились – она увидела вспышку грядущего. На мгновение мир вокруг неё перестал существовать.

– Сила не в мышцах, Арам, и даже не в магии, – её голос прозвучал глухо, словно доносился со дна глубокого колодца. – Слушай меня внимательно. Ты соберешь все четыре стихии. Огонь сольется с Водой, Земля обнимет Ветер... но Сердце останется холодным.

Арам вздрогнул от этих слов, но Нане сжала его плечо сильнее, причиняя боль. Она говорила с пугающей ясностью:

– Ты будешь стоять в тишине и думать, что проиграл. Ты будешь трясти камень, молить его, но он не ответит чужаку. Запомни этот миг, мальчик. Когда магия окажется бессильна, не ищи ответов снаружи. Камень проснется только тогда, когда ты вспомнишь, чья кровь в тебе течет. Он ждет не заклинания. Он ждет Зова. Помни: ты никогда не бываешь один, даже когда вокруг ни души. За твоей спиной стоит целый народ.

Она моргнула, и наваждение спало. Перед ним снова стояла просто мудрая старушка, но в воздухе все еще висело напряжение пророчества.

– Иди. И не оборачивайся. Того мальчика, что вошел сюда, больше нет.

Арам кивнул. Горло перехватило, слова застряли где-то в груди. Он чувствовал тяжесть этого предсказания, хотя и не мог пока разгадать его смысл. Он аккуратно уложил Ключи и Камень в подаренный мешок. Ткань действительно оказалась волшебной – ноша, которая должна была тянуть к земле, почти не чувствовалась на плечах.

Арам повернулся к двери. Грубая деревянная ручка показалась ему ледяной. Юноша на секунду замер. Он понимал: стоит ему переступить этот порог, и пути назад, в мир, где его защищала спина деда, уже не будет. За этой дверью его ждал мир, полный опасностей и древних тайн. Страх, липкий и холодный, шевельнулся в животе. «Я всего лишь человек, – билась тревожная мысль. – Я маленький, а горы огромны». Но потом его рука коснулась лямки заплечного мешка, а память подбросила образ младшего брата, спящего в безопасности.

Арам решительно сжал кулаки, прогоняя слабость, и толкнул дверь. Яркий свет и шум леса ударили в лицо. Он сделал шаг за порог, не оглядываясь.

И в этот миг за спиной раздался характерный всплеск¹⁸. Арам не увидел, но всем телом почувствовал, как Нане с размаху выплеснула воду из ковша ему вслед. Брызги пролетели мимо него и сверкнули на солнце, как россыпь алмазов, окропляя тропинку впереди. Сердце сжалось. Он знал этот звук. Так матери в их краях провожают сыновей, чтобы вода смыла все преграды и беды. Сердце подсказало ему слова, которые беззвучно шептали губы Нане: – *Пусть твой путь течет гладко, как вода. И пусть эта вода вернет тебя домой.*

Арам втянул носом воздух, пахнувший свободой и опасностью, и зашагал вперед, по мокрой от благословения тропе. Он шагнул в неизвестность, чувствуя себя песчинкой перед лицом надвигающейся бури, но песчинкой, которая твердо решила стать скалой.

¹⁸ В армянской бытовой традиции практиковался/практикуется ритуал выливания воды вслед уходящему: вода символизировала жизнь и очищение, жест служил пожеланием безопасного пути, удачи и защиты от несчастий.

Глава 3: Испытание огня

Лес отступил неохотно. Сначала исчезли птичьи голоса, затем поредела трава, уступая место серому, безжизненному камню. Воздух стал тяжелым и сухим, он царапал горло при каждом вдохе. Впереди, закрывая половину неба, возвышался Немрут. Это была не просто гора, а гигантская рана на теле земли, которая так и не зажила за тысячи лет. Над вершиной клубился темный дым – дыхание спящего под землей исполина. Под ногами хрустела пемза и застывшая лава – останки тех, кто когда-то осмелился подойти слишком близко.

Арам шел вперед, сжимая в руке платановый факел. Дерево, гладкое и темное, впитало в себя прохладу тенистых рощ, и эта прохлада сейчас была единственным утешением среди нарастающего жара. Факел узнал родную стихию. Он не боялся огня – он жаждал его. Арам на мгновение остановился, вытирая пот со лба, и перед глазами всплыла картина: прохладный пол хижины Нане. Он вспомнил, как перед уходом старуха взяла прутик и начертила на земляном полу извилистую линию.

«Слушай гору, Арам», – её голос звучал в его памяти так отчетливо, словно она шла рядом. – «Немрут не терпит гордыни. Не иди напрямик, там камни обманчивы. Ищи тропу старого дракона – она всегда с подветренной стороны, там, где серный дым стелется ниже всего. И главное: когда подойдешь к лаве, не требуй. Попроси. Огонь – это живое существо, древнее нас всех. Его нельзя украсть, его можно только принять в дар».

Эти слова, которые тогда казались загадочными, теперь обрели смысл. Арам посмотрел на склон. Действительно, справа, там, где дым был гуще, угадывалась едва заметная, выжженная в породе тропа. Если бы не слова Нане, он бы полез напрямик по осыпи и сорвался бы вниз. Он начал спуск.

Тропа Старого Дракона вела в самое сердце кальдеры. Черные валуны вокруг напоминали фигуры гигантов, застывших в вечном крике. Солнце здесь казалось тусклым, скрытым за пеленой пепла, зато земля под ногами раскалялась. Наконец тропа оборвалась у края огромной расщелины. Арам взглянул вниз и невольно отшатнулся. Там, внизу, кипела сама смерть. Озеро расплавленного камня дышало таким жаром, что воздух дрожал, искажая очертания скал.

Его взгляд зацепился за странное нагромождение черных, обугленных скал на широком уступе слева, чуть в стороне от кипящего озера. Это место напоминало гигантскую разрушенную чашу или кострище, в центре которого лежали округлые валуны, покрытые толстым слоем сажи. От этого места веяло такой древней тоской, что у Арама заняло сердце.

– Невозможно... – прошептал он пересохшими губами, отводя взгляд от странных камней к лаве. – Туда нельзя войти. Я сгорю, не сделав и шага.

Но тут платановый факел в его руке начал теплеть. Арам сжал рукоять крепче, и вдруг невыносимый жар, идущий от кратера, перестал обжигать кожу. Дерево, посвященное Ваагну, создало вокруг него невидимый щит прохлады. Факел словно говорил: *«Иди. Я знаю этот огонь»*.

Вдруг лава внизу вспенилась. И тут гора «выдохнула». Из кратера с ревом вырвался невидимый кулак раскаленного воздуха. Удар был такой силы, что Арама швырнуло назад, как сухой лист. Он пролетел несколько метров и ударился спиной о камни – прямо у того самого черного нагромождения, которое заметил раньше. Факел вылетел из его разжавшихся пальцев, прокатился по склону и застрял между черными валунами.

Арам, морщась от боли, с трудом поднял голову. И замер, забыв, как дышать. Над кратером, затмевая солнце, расправила крылья Она. **Хазаран Блбул**¹⁹. Но это была не та сказоч-

¹⁹ **Хазаран-блбул** (арм. Հազարիւն-բլբուլ, буквально «тысяча соловьёв») – мифологический образ в армянской культуре, встречающийся в фольклоре и поэзии; символизирует красоту, мелодичность, гармонию природы и духовную возвышенность.

ная птица из песен ашугов. Это была ожившая катастрофа. Вокруг неё воздух дрожал и искажался, словно реальность не выдерживала её присутствия. Её перья не просто горели – они струились, как расплавленная магма, перетекая из ядовито-зеленого в багрово-черный. За её спиной, словно огненный шлейф или аура, пульсировали гигантские крылья из чистой энергии, заслоняя полнеба. Она выглядела как божество, сошедшее с ума.

Она не просто приземлилась. Она рухнула на валун перед Арамом с грацией падающей звезды. Камень под её когтями не просто зашипел – он мгновенно испарился, превратившись в облако красной пыли. Её глаза были двумя безднами, в которых рождались и умирали галактики.

Она чуть наклонила голову. Её голос прозвучал не снаружи. Он ворвался прямо в сознание Арама, резонируя в каждой кости, как низкий, вибрирующий гул, от которого хотелось закрыть уши:

– ПОСМОТРИ НА МЕНЯ, СМЕРТНЫЙ!

Этот крик ударил в грудь не как звук, а как волна, выбивая воздух из легких и прижимая к земле.

Она распахнула крылья, и казалось, что само солнце рухнуло в кратер. Жар стал невыносимым, но это был не просто огонь – это было раскаленное горнило чистой ярости.

– Ты смеешь думать, что справишься?! – ревела она, возвышаясь над ним огненной башней.

Арам, с трудом преодолевая давление жара, поднялся с колен. Он смотрел в эти безумные, пылающие глаза и крикнул в ответ, пытаясь перекрыть гул пламени:

– Я пришел не за смертью! Мне нужна сила, чтобы защитить мой дом! Я хочу взять огонь Ваагна, чтобы испепелить врагов, которые убили мой род, и стать щитом для живых!

Хазаран Блбул вдруг замерла. Её смех, похожий на треск сухой древесины в костре, хлестнул Арама по лицу.

– РАДИ ЗАЩИТЫ? – в её голосе звучало не доверие, а презрение. – Лжец! Ты сам не слышишь себя. Первое, что ты сказал – «испепелить». Я чувствую твое сердце, человечиска. Там нет щита. Там только меч.

Она склонилась к нему свою пылающую голову, обдавая нестерпимым жаром.

– Ты, щенок, опьяненный собственной тайной яростью, решил взять огонь ВААГНА? Ты думаешь, это игрушка? Я развею твой пепел над твоей же деревней, чтобы они увидели цену твоей гордыни!

Она резко повернула голову и ударила крылом по воздуху, указывая на черное пепелище, где застрял его факел.

– Смотри! Смотри, во что я превратилась! – В её голосе не было слабости. Она не жаловалась. Она звучала как грозный приговор самой себе и всему миру. Она стояла гордо, даже среди руин, величественная и страшная в своем горе. – Я – плоть от плоти Ваагна! Я – первый огонь, зажженный на заре времен! Огонь – это моя кровь! Но посмотри на это гнездо! Если я, дочь Бога, не смогла обуздать эту ярость... если моя любовь стала смертью... неужели ты думаешь, что удержишь этот огонь?!

Она смотрела на мертвые яйца жестко, не мигая.

– Мое проклятие – Жизнь. Я сгораю от боли, но каждое утро встаю из пепла, чтобы пережить ее вновь. Я – вечно живая могила своих детей.

И тут случилось странное. Она продолжала смотреть на гнездо с яростной непреклонностью, даже не замечая, что происходит. Из её огромных, немигающих глаз выкатились густые, сияющие капли. Она не рыдала, её плечи не вздрагивали. Камни плакали за неё. Падая на

В легендах и народных сказаниях образ Хазаран-блбул часто ассоциируется с певучими птицами, олицетворяющими радость, любовь и благополучие, отражая древние представления армян о связи человека с природой и её гармонией.

серый пепел, слезы не испарялись, а мгновенно застывали. С глухим стуком на камни падали крупные, прозрачно-медовые куски янтаря. Она сама не понимала, что плачет. Её боль стала настолько огромной, что тело больше не могло её удерживать, превращая горе в драгоценный камень.

Арам смотрел на неё, и его душу будто засыпало тяжелым, мертвым пеплом. Тайная ярость, которую он лелеял в себе все эти дни, вдруг показалась ему отвратительной. Он посмотрел на свои руки. В голове, как наяву, зазвучал тяжелый, ритмичный гул. Топот сотен копыт. Звук, который принес смерть в его дом. «Неужели я становлюсь одним из них? – эта мысль ударила страшнее любого огня. – Я хочу силы, чтобы убивать. Но этот огонь не разбирает своих и чужих. Если я возьму его с такой ненавистью в сердце... я стану для Ваана тем же, чем стали кочевники для меня. Я стану бедой». Он осознал: его ждет такая же судьба, как и Хазаран Блбул. Победа, которая превратится в пепелище. Он скорее разрушит всё, что любит, нежели кого-то спасет.

Арам медленно выдохнул. Он сделал шаг вперед. Потом еще один. Кожа горела, но сердце тянуло его вперед с непреодолимой силой. Он шел не к чудовищу. Он шел к плачущей матери. Он даже не осознавал, что может исчезнуть в любую секунду, просто испариться, как тот камень. Его вела не храбрость, а невыносимое сострадание, которое заглушило страх. Он перешагнул через россыпь янтаря и подошел к ней вплотную.

– Как мне забрать твою боль? – прошептал он, чувствуя, как от жара на глазах высыхают слезы.

– Мои слова сейчас – лишь пыль на ветру. Они не могут заполнить эту бездну...

Хазаран Блбул, наконец, оторвала взгляд от гнезда. Она посмотрела на него с удивлением – не ожидала, что смертный осмелится войти в круг её агонии.

– А теперь посмотри на меня... Огнерожденная, – голос Арама дрогнул, но теперь в нем звучала благоговейная нежность. – Ты, чье дыхание зажигает мириады звезд в бесконечной холодной Вселенной... Ты, что даруешь свет мирам, когда они тонут во мраке... Я преклоняюсь перед твоим величием. Он медленно опустился на колени прямо в горячий пепел. – Но прежде всего я кланяюсь тебе... как Матери.

Арам поднял на неё глаза, полные слез.

– Я и сам сирота, Хазаран Блбул. У тебя есть хотя бы это гнездо, а у меня – только сны, где образы родных давно растворились. Я знаю, что такое пустота внутри. У меня нет сокровищ. Что мне тебе дать? Жизнь?

Он выпрямился, расправляя плечи.

– **Бери!**

Арам потянулся к поясу и достал простой пастуший нож. Он перехватил лезвие и, не дрогнув, резко провел им по внутренней стороне ладони. Алая, горячая кровь брызнула на серый пепел.

– Но что будет с моим братом... с моей деревней, если меня не будет? – прошептал он, глядя, как капли собираются в ручейке на его ладони. – Я им нужен... так же, как и ты нужна миру. Он сжал кулак, и кровь закапала прямо на черное, мертвое яйцо, которое обнимала Птица.

– Я прощаю... – шептал он, давясь слезами, и каждое слово падало в пепел вместе с тяжелой каплей крови. – Я прощаю себя. За отца... За маму... За то, что не смог закрыть их собой тогда.

Его плечи содрогались от рыданий, которые он держал в себе двенадцать лет. Он смотрел на Птицу сквозь пелену слез, и его голос срывался на крик:

– Ты показала мне правду... Твое горе убило мою ярость, Огнерожденная! Я смотрю на тебя и понимаю: я не переживу, если из-за меня что-то случится с моими родными. Если мой огонь обожжет их... это убьет меня окончательно. Страшнее любой смерти.

Он разжал окровавленную ладонь над гнездом, позволяя жизни течь свободно.

– Не нужна мне эта ярость! Не нужен этот гнев! Забери его! – он почти кричал, захлебываясь болью и надеждой. – Пусть я останусь слабым... Пусть буду просто пастухом... но только без этой тьмы, что нежится в моем сердце!

Взамен я даю тебе свою кровь. Больше у меня ничего нет. Пусть моя жизнь станет твоей надеждой.

Тяжелые, густые капли упали на обугленную скорлупу. Птица в изумлении смотрела на это. Она видела, как этот маленький человек выворачивает перед ней душу наизнанку, отказываясь от силы ради любви. Она ждала, что кровь зашипит и испарится. Но произошло чудо. Черная скорлупа жадно впитала жертву Ареворди. Камень стал мягким, по нему побежали красные, живые прожилки. Раздался тихий хруст. Скорлупа треснула, и из неё показалась не зола, а маленькая, мокрая, золотая головка птенца.

Хазаран Блбул застыла. Тысячи лет она охраняла могилу, а теперь жертва смертного превратила её в колыбель. Шок сменился такой вспышкой радости, что пламя на её перьях сменило цвет с траурного на ослепительно-радужный.

Она запрокинула голову к небу и запела. Это была не песня скорби. Это был Гимн Возрождения.

«Я спала в золе тысячу зим, Я была могилой детям своим. Черный камень был мне тюрьмой,

Я укрылась пеплом, как тьмой.

Но пришел Человек с открытой душой,

И разрушил плен своей добротой. Алая кровь на серый гранит

— Смотрите! Мертвый камень звенит!

Где была лишь смерть – там встает рассвет!

Где была лишь тьма – там сияет свет!

Не ярость, а Солнце в крыльях моих,

Огонь, что согреет, а не спалит живых!

Пробудитесь, горы! Цветите, луга! Отступили страх и седая пурга.

Из крови и пепла, сквозь боль и года, Вернулась Надежда! Вернулась... Навсегда!»

В далеких селах люди подняли головы, не понимая, почему вдруг воздух запахом цветущим абрикосом. А это пела **Надежда**.

Птица бережно подхватила своего птенца.

– Ты дал кровь, чтобы смыть пепел, – прозвенел её голос в голове Арама, чистый и звонкий.

– Ты отказался от ярости ради жизни. Ты достоин Искры.

Она взмахнула крыльями, поднимаясь в небо вместе с птенцом. Уже высоко в небе, превратившись в сияющую точку, она на миг остановилась, глядя вниз, на крошечную фигурку среди скал.

– Этот мальчишка несет в себе столько света, что даже я не способна столько вместить в своей душе, – прошептала она небесам, и эхо её слов раскатилось громом.

Они устремились вдаль, на восток, оставляя путь свободным. Арам остался один. Затишье вернулось, но оно больше не было давящим. Он долго стоял, приходя в себя, вытирая слезы, которые смешались с копотью на лице. Дыхание успокоилось. В сердце больше не было тяжести, только светлая, звенящая пустота, готовая наполниться. Арам зажал порезанную руку, чувствуя, как боль отрезвляет. Он подобрал свой факел, который теперь казался ему продолжением собственной руки.

Перед ним, всего в десятке шагов от опустевшего гнезда, ревела открытая лавовая река. И теперь он знал, с каким сердцем должен подойти к ней. Он сделал эти последние шаги к самому краю расщелины. Здесь царил ад. Не было теней, только слепящий свет и тьма копоты. В русле

плескалась не вода, а густая, тяжелая огненная жижа. Она лопалась пузырями, выбрасывая фонтаны искр, и гудела, будто тысячи кузнечных мехов работали одновременно. Арам остановился у самого потока. Жар опалил лицо, высушил губы до трещин. Но он вспомнил последний наказ Нане: *«Не бойся обжечься. Бойся не поверить, что огонь может стать твоим другом».*

Он вытянул руку с факелом. Дрожь в пальцах прошла.

– *Ваагн!* – его голос, сначала тихий, окреп, отражаясь от черных стен кратера ударом молота о наковальню.

Арам склонил голову, но не от страха, а от благоговения перед величием стихии. Слова сами полились из него – древние, забытые – это кровь предков заговорила в его жилах:

– *О, Пламенный Владыка, Рожденный из мук Неба и Земли! Сын великого Арамзда, укротитель драконов! Я стою перед тобой не как вор, но как твой верный сын. Я молю тебя: даруй рабу твоему искру своей божественной плоти! Вдохни жизнь в это мертвое дерево! Дай мне силу стать щитом для моего дома. Дай мне непреклонность, чтобы выстоять во тьме, и свет, чтобы согреть тех, кого я люблю!*

Последние слова он выкрикнул, вкладывая в них всю боль и надежду, и эхо подхватило их, унося в огненную бездну. Он опустил наверх факела в кипящую лаву.

Дерево не вспыхнуло и не почернело. В момент соприкосновения платана с огненной стихией раздался низкий гул. Пламя не просто охватило факел – оно впиталось в него. Огонь был не рыжим, а ослепительно-белым, с золотой сердцевиной. Это был не разрушающий лесной пожар, а первородная энергия, сотворившая мир.

Ударная волна силы прошла через руку Арама прямо в сердце. Его выгнуло дугой. Жар ворвался в вены, выжигая страх, неуверенность и усталость. На миг он сам стал частью вулкана, почувствовал, как глубоко под землей бьется огненное сердце земли. Он ощутил мощь, способную сжигать города, и волю, способную эту мощь укротить.

Арам отшатнулся от края, тяжело дыша. Факел в его руке горел ровным, негасимым светом. Пламя не обжигало руку, а грело, делясь своей яростной уверенностью.

Обратный путь наверх он преодолел с легкостью, которой не ожидал. Камни больше не казались скользкими, а крутой подъем – непреодолимым. Внутри него теперь тоже горел огонь – тихий, но неугасимый.

Выбравшись на кромку кратера, Арам вдохнул полной грудью. Воздух, еще недавно казавшийся едким, теперь был просто воздухом. Он посмотрел на факел, пляшущий на ветру, и перевел взгляд вдаль, туда, где синей гладью сверкало озеро Севан.

Первый шаг сделан. Огонь принят. Теперь его ждала Вода.

Глава 4: Слеза богини

Спуск с вулкана занял два дня. Пейзаж менялся медленно, точно художник неохотно смывал с холста серые краски, заменяя их на сочную зелень и лазурь. Жар Немрута остался позади, впитавшись в кожу и память, но теперь воздух наполнился новой силой – влажной, прохладной и глубокой.

Озеро Севан открылось внезапно, когда Арам миновал перевал. Огромное, небесно-синее око земли, обрамленное кольцом гор, сверкало под солнцем так ярко, что больно было смотреть. Казалось, небо здесь упало на землю и превратилось в воду. Озеро дышало спокойствием вечности. Вода здесь была не просто синей – она меняла цвет от густого индиго до бирюзы, отражая настроение неба.

Арам спустился к берегу, туда, где из воды торчали черные, обтесанные временем глыбы – древние **Вишапакары**, каменные драконы, поставленные предками тысячелетия назад. Они стояли как молчаливые стражи, их бока поросли зеленым бархатным мхом. Здесь царила **торжественная умиротворенность**, но не мертвая, как на вулкане, а живая, звенящая плеском волн.

Арам снял с плеч волшебный мешок. Он казался невесомым, но Арам знал: внутри дремлет ярость Немрута. Он достал Медный кувшин. Старая медь, рожденная в недрах Арарата, тускло блеснула, словно приветствуя родную стихию. Юноша скинул сандалии и шагнул в воду. Холод обжег лодыжки, пробирая до костей. Севан никогда не бывает теплым, даже летом. Это суровая вода высокогорья. Арам сделал еще шаг, погружаясь по колено. Вода была прозрачной, как слеза. Каждый камушек на дне был виден отчетливо, и от этой прозрачности становилось не по себе – казалось, озеро видит его насквозь, все его страхи и грехи.

– Я пришел с чистым сердцем! – проговорил Арам, поднимая кувшин над головой. – Джраарс, Хранительница вод! Прими меня!

Поверхность озера вздулась, поднимаясь вверх прозрачным столбом. Жидкое стекло начало обретать форму. Вода вокруг Арама закружилась в воронку, пена собралась в причудливые узоры, и через миг из волн соткалась женская фигура. Она была прекрасна той пугающей, нечеловеческой красотой, какой обладают лишь стихии. Её кожа отливала перламутром, волосы были длинными, темными и текучими, как подводные течения, а глаза – бездонными, цвета грозового неба.

Джраарс. Не добрая и не злая. Равнодушная, как глубина.

– Я чувствую запах гари, – её голос журчал, как ручей по камням, но в нем слышалась угроза. – Ты принес с собой Огонь, смертный. Огонь – враг Воды. Ты пришел нарушить мой покой? Хочешь, чтобы я затушила твоё пламя?

Она протянула руку, и вода вокруг ног Арама стала тяжелой, потянула его вниз, на глубину. Арам устоял, хотя инстинктивно хотелось отшатнуться.

– Огонь нужен, чтобы сжечь зло, – твердо ответил он, глядя в её переменчивые глаза. – Но огню нужна мудрость, чтобы не сжечь и дом, который он защищает. Я пришел не воевать. Я пришел объединить. Найти равновесие.

Джраарс рассмеялась, и этот смех прозвучал как перезвон тысяч льдинок, разбивающихся о камни в бурном потоке.

– Объединить? Ты смел, мальчик. Или глуп. Огонь и Вода разрывают сосуд, если он слаб. Она подплыла вплотную. Её бледное лицо оказалось в дюйме от его губ. Холод ее дыхания смешался с жаром, который теперь всегда жил внутри Арама. И в этот миг его передернуло. Это ощущение ледяной близости вдруг, без всякой логики, вернуло его в тот страшный день. Ему на секунду показалось, что над ним нависает не прекрасная дева, а Вожак кочевников. То

же чувство беспомощности, тот же холод, та же абсолютная, равнодушная власть чужой силы над его жизнью.

– Посмотри вниз, – приказала она.

Арам опустил взгляд. В зеркальной глади воды он увидел свое отражение. Но оно было странным. Одна половина лица была освещена золотым светом Немрута, а другая оставалась в тени, синей и спокойной.

– Вода не терпит лжи, – прошептала Джраарс. – Она смывает маски.

Джраарс чуть прищурилась.

– Ты правда хочешь увидеть себя? Не Героя. Не Спасителя. Просто человека... который умеет бояться?

– Готов, – выдохнул Арам.

Он смотрел в свои глаза в отражении – в глаза того парня, который вчера валялся в грязи под сапогом кочевника. Вчера это воспоминание жгло его стыдом, заставляло ненавидеть себя. Но сейчас, глядя в зеркало чистой воды, он вдруг понял: ненавидеть себя за слабость – это тоже гордыня. Он не Бог и не скала. Он человек. А человек имеет право упасть. Грех не в том, чтобы упасть. Грех в том, чтобы остаться лежать и притворяться, что ты не упал.

– Я боюсь, – продолжил он, и с каждым словом с его души словно спадал тяжелый, грязный пласт.

– Я до ужаса боюсь потерять их. Я боюсь, что снова окажусь недостаточно сильным. Он поднял взгляд на Джраарс. – В тот день я думал, что моя беспомощность – это позор. Я хотел стереть этот момент из памяти. Но теперь я принимаю его. Да, я был слаб. Да, я не смог их защитить. Но я прощаю себе эту слабость. Потому что именно она привела меня сюда. Его голос окреп. – Я не прячу свой страх, Хранительница. Я беру его с собой. Пусть он напоминает мне, ради чего я сражаюсь. Я признаю свою ничтожность перед лицом стихии, но именно это делает меня готовым принять её силу.

Джраарс улыбнулась – печально и мудро. Она протянула руку, и вода вокруг замерла, став гладкой, как стекло.

– Вода не ломается под ударом, Арам. Она уступает, чтобы потом заполнить собой всё. Ты понял главный закон: сила не в твердости камня, который можно разбить, а в текучести воды, которую нельзя ранить. Ты принял свою слабость, и тем самым стал неуязвим.

– Гордец утонул бы здесь, пытаясь доказать свое величие. Трус сбежал бы, испугавшись глубины. Но ты посмотрел в зеркало и увидел Человека. Искренность – это и есть чистота. Ты победил главного врага – собственную Гордыню. Ты прозрачен, как эти воды.

Она задержала взгляд.

– **Равновесие...** – повторила она тихо. В её глазах всплыл холодный свет.

– Люди давно забыли его. Они только берут.

Она чуть склонила голову, не сводя с него взгляда.

– Сердце у тебя чистое, сын земли. Но мне нужен твой разум. Слова ничего не стоят.

Тишина сгустилась, будто вода стала тяжелее.

– Развеешь мои морочи – получишь воду. Поддашься им – и твой разум навсегда останется блуждать в тумане над озером.

Мир вокруг Арама исчез. Не было больше ни берега, ни неба. Он повис в серой пустоте, а голос Джраарс заполнил всё пространство, становясь физически ощутимым давлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.